

Научная статья

УДК 343.3/.7

EDN HRXSDF

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).258-267

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 356 УК РФ В ОТНОШЕНИИ РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ: БЛАНКЕТНОСТЬ НОРМЫ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В.В. Лисаускайте*Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

20 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать

15 июля 2024 г.

Дата онлайн-размещения

29 июля 2024 г.

Ключевые слова

Военные преступления; раненые и больные; международные договоры РФ; Женевская конвенция; жестокое обращение

Аннотация. Статья посвящена анализу соответствия диспозиции нормы ч. 1 ст. 356 УК РФ относительно предполагаемых потерпевших с учетом положений международных договоров РФ. Автор выделяет в качестве потерпевших категорию раненых и больных, которая защищается Женевскими конвенциями 1949 г. о защите жертв войны. В качестве объектов исследования выступают положения: ч. 1 ст. 356 УК РФ и Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., а также Дополнительные протоколы к ним 1977 г.; Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил РФ; Уголовного кодекса РФ.

Автор исследует правовой статус раненых и больных, причины выделения этой категории в международных договорах РФ, проводит сравнительный анализ диспозиции и международных положений.

Проведенное исследование показало наличие недостатков в установлении ответственности в рамках Уголовного кодекса РФ: при выделении категории потерпевшего от преступления присутствует его сужение по сравнению с международной регламентацией, также ограниченно представлены альтернативные деяния выполнения объективной стороны данного преступления. Используемая конструкция состава не позволяет в полном объеме применять имплементированные международные обязательства по вопросам квалификации и привлечения к ответственности за совершение военных преступлений. Особое внимание уделено анализу отдельных альтернативных деяний, указанных в ч. 1 ст. 356 УК РФ в контексте их совершения в отношении раненых и больных, специфике их понимания. Автор приходит к выводу, что такое юридическое закрепление может негативно повлиять на возможность привлечения виновных к ответственности.

Результатом проведенного исследования стало предложение автора изменить конструкцию состава преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 356 УК РФ, посредством перечисления всех категорий потерпевших, а также способов совершения военных преступлений с учетом норм международных договоров РФ, разделять посягательства на культурные ценности в рамках вооруженного конфликта на военные преступления, совершенные комбатантами, и преступления, совершенные гражданским персоналом. С учетом данной классификации раскрыта специфика возможного закрепления составов преступлений в рамках уголовного закона.

Original article

CRIMES AGAINST WOUNDED AND SICK PERSONS UNDER PART 1, ARTICLE 356 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: BLANKET CHARACTER OF THE NORM AND QUESTIONS OF QUALIFICATION

Valentina V. Lisauskaite*East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, the Russian Federation*

Article info

Received

2024 April 20

Accepted

2024 July 15

Available online

2024 July 29

Abstract. The article is devoted to analyzing the correspondence of the disposition of the norm of Part 1, Art. 356 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC of the RF) regarding the assumed victims in view of the clauses of international treaties of the Russian Federation. The author singles out the category of wounded and sick persons as victims protected under the Geneva Conventions for the Protection of Victims of War of 1949. The objects of research are the following clauses: Part 1, Art. 365 of the CC of the RF and Geneva Conventions for the Protection of Victims of War of 1949 with their Additional Protocols of 1977; Instructions on International Humanitarian

Keywords

War crimes; wounded and sick persons; international treaties of the Russian Federation; Geneva Convention; cruel treatment

Law for the Military Forces of the RF; the Criminal Code of the RF.

The author researches the legal status of the wounded and the sick, the reasons for singling out this category in international treaties of the RF, and conducts a comparative analysis of the disposition and international clauses.

The conducted analysis revealed some drawbacks in establishing liability within the CC of the RF: the specification of the category of crime victims is narrower compared to international regulation, the alternative actions of the objective side of this crime are also presented in a limited way. The used construct of the components of crime does not allow for a full application of the implemented international obligations in questions of qualification and prosecution for crimes of war. Special attention is paid to the analysis of some alternative actions stated in Part 1, Art. 356 of the CC of the RF when they are committed against the wounded and the sick, and the specifics of their understanding. The author concludes that such legal recognition could have a negative influence on the possibility of prosecuting the guilty.

As a result of the conducted study, the author suggests changing the construct of the components of crime under Part 1, Art. 356 of the CC of the RF by enumerating all categories of victims as well as all methods of committing military crimes taking into account the norms of the international treaties of the RF, and also dividing infringements on cultural values during a military conflict into war crimes committed by combatants and crimes committed by civilian personnel. In view of this classification, the author describes the specifics of possible legal recognition of the components of crime within criminal law.

Введение

Военные преступления представляют собой высокую опасность для общества. Осознавая масштабы последствий двух мировых войн, мировое сообщество усовершенствовало международные правила ведения войны и закрепило перечень запрещенных действий в такой период. «Серьезные нарушения считаются военными преступлениями. Особенно важно наказывать за нарушения на национальном уровне сразу же после начала конфликта и в ходе его протекания, чтобы избежать негативной спирали серьезных и повторяющихся нарушений права» [1, с. 91]. Таким образом, международные обязательства способствовали формированию национальных норм уголовной ответственности за совершение таких деяний. Однако каждое государство закрепляет такие составы преступления с учетом своей специфики.

Традиционно в научной литературе применительно к диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ рассматриваются вопросы совершения данного преступления в отношении гражданского населения и военнопленных в вооруженном конфликте. Способствует этому содержание самой нормы, где в качестве потерпевшей стороны указаны именно данные категории лиц. В ч. 1 ст. 356 УК РФ путем перечисления альтернативных действий указано: «Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов,

запрещенных международным договором Российской Федерации»¹.

Исходя из представленной формулировки, только гражданское население и военнопленные находятся под защитой от преступлений в период вооруженного конфликта. Однако общепризнанное закрепление и понимание военных преступлений распространяет такую защиту на более широкий круг лиц. По данному вопросу есть несколько точек зрения. Одни считают, что это пробел нормы, поскольку законодатель фактически ограничил перечень лиц под защитой [2, с. 293]. По мнению других ученых, необходимо исходить из буквы закона и трактовать перечень потерпевших только как военнопленных и гражданское население [3, с. 28].

В то же время для применения ч. 1 ст. 356 УК РФ за деяния, совершенные в отношении иных лиц, не указанных в самой норме, правоприменитель должен владеть специальными знаниями в области международного гуманитарного права. Таким образом, закрепленный бланкетный характер рассматриваемой статьи не позволяет эффективно ее применять.

В 2016 г. произошло нападение на российский военный госпиталь в Алеппо (Сирия)²,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Заявление МККК: нападение на российский военный госпиталь в Алеппо // Международный комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/zayavlenie-mkkk-napadenie-na-rossiyskiy-voenny-gospital-v-aleppo>.

погибло и было ранено большое количество людей, как находившихся на лечении, так и представителей медицинского персонала. И это лишь один из множества примеров. Как правило, в средствах массовой информации в отношении таких трагических событий используется термин «террористический акт». Однако, учитывая обстановку и место преступления, а также в отношении кого оно было совершено, деяние следует рассматривать в первую очередь как военное преступление, квалифицируемое по ч. 1 ст. 356 УК РФ.

Международные договоры РФ и международное гуманитарное право устанавливают достаточно объемный перечень лиц, обладающих особым правовым статусом защиты в период войны, нарушение которого признается военным преступлением. Всех таких лиц именуют общим термином «покровительствуемые лица»³, т.е. лица, находящиеся под защитой международного права в период вооруженного конфликта. Еще в период разработки и принятия первой Женевской конвенции 1864 г. стали выделять отдельные категории лиц, которые нуждаются в наличии правовой защиты своего статуса в период войны. Постепенно такой список расширился с учетом последствий большого количества войн за период с начала XIX в. по настоящее время.

Среди покровительствуемых лиц особую группу представляют жертвы вооруженных конфликтов. Данный термин тоже носит собирательный характер. Как правило, путем перечисления указываются конкретные категории лиц, относящиеся к этой группе: гражданское население, раненые и больные, военнопленные, лица, потерпевшие кораблекрушение. В литературе предлагают относительно сходные их характеристики. Одно из предлагаемых определений гласит: «жертва вооруженного конфликта» — это лицо, которое не принимает непосредственного участия в военных действиях или прекратило такое участие с определенного момента» [4, с. 7]. Ответственность за военные преступления распространена на все деяния, совершенные в отношении лица или лиц, находящихся под защитой одной или нескольких Женевских конвенций 1949 г, т.е. лиц,

³ Характеристика термина не имеет юридического закрепления, его признаки собирательны из положений всех четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. Однако сам термин активно используется в научной литературе и международных документах.

выведенных из строя в результате болезни, ранения, содержания под стражей или по любой другой причине [5, с. 221].

Правовое закрепление защиты раненых и больных

Категория «раненые и больные» занимает, на наш взгляд, особое место, поскольку именно с признания права на защиту этих лиц в вооруженном конфликте началось правовое закрепление защиты жертв вооруженного конфликта, в целом законов и обычаев ведения войны и становление международного гуманитарного права. Защита раненых, больных во время вооруженных конфликтов имеет долгую историю в различных культурах и традициях [6, р. 321–332]. Именно в отношении раненых и больных впервые были установлены единые правила их защиты в вооруженном конфликте. Такой документ появился в 1864 г. при поддержке Правительства Швейцарии, разработанный основателем Красного Креста Анри Дюнаном [7, с. 13–21] и его сподвижниками. Конвенция фактически стала реакцией общества на увиденные последствия боевых действий, которых в XIX в. на территории Европы было предостаточно.

Роль принятых в договоре норм была столь актуальна и необходима, что в 1906 г. в него были внесены дополнения с учетом последствий военных конфликтов за прошедший период. А в 1899 г. в рамках Первой Гаагской мирной конференции был принят документ — Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 г. [8, с. 40]. То есть применение первого соглашения в рамках сухопутных войн показало результативность ее правил, выраженную в сохранении большего количества жизней участников военных действий, ранее остававшихся умирать на поле боя.

Война претерпела огромные изменения с тех пор, как эта идея была впервые включена в международное договорное право в 1864 г. [9, р. 1219]. Последствия двух мировых войн привели к необходимости большей детализации уже существовавших норм относительно статуса раненых и больных в вооруженном конфликте. Поэтому положения вышеуказанных документов легли в основу Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. Правила, касающиеся раненых и больных, нашли отражение во всех четырех договорах с учетом особенностей конкретной категории лиц: военнопленные, гражданское население, лица, потерпевшие кораблекрушение.

А. Строителей отмечает, что Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных 1949 г. закрепила и структурировала нормы, регулирующие правовое положение раненых и больных, санитарных формирований и учреждений [10, с. 18]. В ней закреплено большое количество правил, посвященных правовому статусу раненых, больных и медицинских служб. Установлены запреты относительно действий воюющих сторон в отношении данных лиц и служб. В настоящее время именно на основании этих норм определен перечень запрещенных действий в отношении раненых и больных в период вооруженного конфликта, которые признаются военными преступлениями.

Особенности характеристики категории «раненые и больные» как потерпевших

«Раненые и больные» рассматриваются как одна категория лиц вне зависимости от причины (ранение или болезнь), их правовой статус одинаков. Согласно международному гуманитарному праву, «раненые, больные и лица, потерпевшие кораблекрушение, независимо от их статуса, имеют право на защиту. Таких лиц необходимо разыскивать, собирать и о них заботится сторона в конфликте, которая держит их в своей власти»⁴.

То есть это устойчивое, юридически закрепленное в нормах международного гуманитарного права определение. Ранеными и больными могут быть остальные категории жертв вооруженного конфликта: гражданское население; военнопленные; роженицы, беременные женщины; новорожденные дети и другие лица, которые нуждаются в медицинской помощи и уходе [11, с. 146]. Подтверждение данного факта можно увидеть в определении термина «раненые и больные», которое содержится в Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил РФ. Раненые и больные — это комбатанты (воюющие) и гражданские лица, которые вследствие травмы, болезни, другого физического или психического расстройства, инвалидности нуждаются в медицинской помощи или уходе и воздерживаются от любых враждебных действий⁵.

⁴ International Humanitarian Law: Answers to Your Questions. Geneva : International Committee of the Red Cross, 2015. P. 29.

⁵ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации : утв. министром обороны РФ 8 авг. 2001 г. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/47039>.

Правовой статус раненого и больного может поменяться после выздоровления в зависимости от его принадлежности к изначальной категории. Он может стать военнопленным, если принадлежит к представителям вооруженных сил противной стороны конфликта, либо вновь вернуться в ряды комбатантов для дальнейшего участия в боевых действиях; либо, если он является гражданским лицом, место его пребывания определяется в зависимости от гражданства посредством привлечения Международного Комитета Красного креста.

С учетом данных особенностей можно провести классификацию раненых и больных в зависимости от их первоначального правового статуса:

- раненые и больные — представители гражданского населения;
- раненые и больные — военнопленные;
- раненые и больные — представители вооруженных сил государства и приравненные к ним лица.

Именно с учетом особенностей правового статуса двух последних видов в Женевских конвенциях I и II 1949 г.⁶ указаны конкретные признаки, наличие которых и позволяет относить конкретных лиц к категории раненых и больных. Такой особый подход связан с их уязвимостью в боевых действиях, когда они находятся изначально в специфической обстановке, наличие которой создает сложности оказания им необходимой медицинской помощи.

Согласно положениям Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» 1949 г., раненые и больные — это лица из состава вооруженных сил государства, которые сложили оружие, перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине⁷. Исходя из данного

⁶ Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях : подписана в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Международный комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm> ; Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море : подписана в г. Женеве 12 авг. 1949 г. // Там же. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm>.

⁷ Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях : подписана в г. Женеве 12 авг. 1949 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>.

определения, можно выделить признаки, позволяющие отграничить данную категорию от иных покровительствуемых лиц:

– лица из состава вооруженных сил, т.е. изначально они являются комбатантами, активными участниками боевых действий, однако в силу ранения или болезни выбыли из строя (подтверждением этого факта являются личные документы военнослужащего либо документы военной части);

– сложившие оружие и переставшие принимать участие в боевых действиях, т.е. для получения статуса раненого или больного недостаточно наличия ранения или болезни, необходимо подтвердить факт своего неучастия в активных боевых действиях.

Для распространения данного статуса не имеет значения принадлежность лица к вооруженным силам той или иной стороны конфликта, вид и род войск. В случае попадания в плен, раненым и больным должна быть предоставлена необходимая медицинская помощь. Правовой статус раненого или больного за данными лицами будет сохраняться до юридического оформления факта выздоровления. В этом случае меняется категория лица на военнопленного и начинают действовать соответствующие правила обращения с военнопленными.

Ранеными и больными могут быть признаны категории лиц, не относящиеся к составу вооруженных сил, но приравненные к ним. Они перестали быть участниками боевых действий, стали жертвами вооруженного конфликта. Поэтому, на наш взгляд, для понимания специфики их статуса можно провести аналогию с традиционным для уголовного права термином «лица, находящиеся в беспомощном состоянии». Характеристика такого состояния дана в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Беспомощным является состояние, при котором лицо в силу физического или психического состояния неспособно защитить себя, оказать активное сопротивление⁸.

Вид болезни или тип ранения не должны влиять на оценку состояния раненого или больного для отнесения его к категории лиц, находящихся в беспомощном состоянии. Лицо, совершившее военное преступление в отношении

раненого или больного, намеренно использовало его беспомощное состояние, предполагая, что он не будет оказывать сопротивление именно в силу своего состояния.

Запрещенные деяния в отношении раненых и больных, признаваемые военными преступлениями, согласно нормам международного права и российского уголовного законодательства

Диспозиция ч. 1 ст. 356 УК РФ, с одной стороны, содержит перечисление альтернативных действий выполнения объективной стороны преступления, с другой стороны, такие действия по указанной норме совершаются в отношении конкретных групп лиц. С учетом того что нормы международного гуманитарного права закрепляют категорию «раненые и больные» в качестве группы потерпевших от военных преступлений, возникает вопрос относительно возможности преломления закрепленных деяний в указанной статье применительно к данным лицам.

Жестокое обращение как альтернативное преступное деяние не раскрывается в самой норме. В научной литературе данный термин характеризуется в ситуации совершения таких действий в отношении военнопленных и гражданского населения. Как отмечает Р.А. Адельханян, «это совершение любого насильственного и угрожающего действия против прав, указанных лиц, в первую очередь право на жизнь, здоровье, гуманное обращение, сексуальную свободу, личную свободу, честь и достоинство. В связи с этим под жестоким обращением с военнопленными и гражданским населением следует понимать любое насильственное действие в отношении указанных лиц, предусмотренное в нормах международного уголовного права и нарушающее законные права и интересы военнопленных и гражданских лиц, либо содержащее угрозу физическому или личностному статусу указанных лиц» [12, с. 204].

Д.А. Дорохин, М.О. Ноженко уточняют, что «в одном из решений Международного трибунала по бывшей Югославии жестокое обращение рассматривается как умышленное действие или бездействие, причиняющее серьезные психические или физические страдания или травмы либо представляющее собой серьезное посягательство на человеческое достоинство» [13, с. 85]. Другие авторы в качестве жестокого обращения рассматривают преступные деяния, перечисленные в Женевских конвенциях в каче-

⁸ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1 : (ред. от 3 марта 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893.

стве запрещенных действий в отношении всех категорий жертв войны [14, с. 342]. Встречается позиция, что данный термин необходимо толковать более широко и включать в его содержание иные преступные действия, не указанные в перечне, но распространенные на практике, например, сексуальное насилие [9, р. 1218].

Термин «жестокое обращение» встречается и в других статьях УК РФ либо используется при их толковании. Речь идет о ст. 245, 156 УК РФ. Но и в отношении данных норм нет единого подхода в понимании используемого термина [15, с. 77–82; 16]. Как общие признаки жестокого обращения, исходя из содержания различных позиций, можно рассматривать применение в отношении жертвы систематического физического и/или психического воздействия, выражающегося в пытках, истязании, избиении, оскорблении и т.д.

В литературе также встречается мнение о необходимости соотношения терминов «жестокое обращение» и «совершение деяния с особой жестокостью». В данной ситуации необходимо обратиться к позиции Пленума Верховного Суда РФ, в котором дается понимание термина «с особой жестокостью» относительно убийства. «Понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости»⁹. Важным в данном случае является обязательно наличие умысла преступника на применение особой жестокости в отношении жертвы. Особая жестокость, согласно постановлению Пленума Верховного Совета РФ от 27 января 1999 г., может проявляться в применении пыток, истязания или совершения глумления над жертвой либо это совершение преступления с причинением лицу особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.), совершение преступления в присутствии близких потерпевшему лиц¹⁰.

Таким образом, термин «с особой жестокостью», на наш взгляд, характеризует именно способ совершения преступления, который не всег-

да может присутствовать в действиях виновного, совершаемых в отношении жертв войны, т.е. при совершении военных преступлений. Не всегда можно говорить и о «жестоком обращении» при их совершении, исходя из представленных выше позиций о понимании данного термина. Например, достаточно распространенное преступление в годы Второй мировой войны — добывание противника, которое выражалось в выстреле в затылок раненым на поле боя после окончания активных боевых действий. С точки зрения защиты жизни и здоровья раненых такие действия являются военным преступлением. С точки зрения оценки медицинского состояния раненого, лишение его жизни не может рассматриваться как жестокость, а скорее, как избавление от мучений.

Поэтому в рамках ч. 1 ст. 356 УК РФ необходимо изменить формулировку альтернативного деяния, конкретизировать путем перечисления деяний, закрепленных в нормах международного права. Как отмечает А.Г. Кибальник, используя в качестве источников прецеденты Международного трибунала для Югославии, «жестокое обращение» представляет собой «намеренное действие или упущение, которое... вызывает серьезное душевное или физическое страдание, или травму или составляет серьезное посягательство на человеческое достоинство», но не содержит присущую для пытки «запрещенную цель». При этом к «жестокому обращению» относятся, в частности:

- создание в местах содержания «атмосферы террора»;
- недостаточное или некачественное питание;
- нехватка воды;
- отсутствие надлежащего медицинского обслуживания;
- ненадлежащие условия для сна;
- ненадлежащие условия отправления естественных надобностей» [17, с. 233].

Рассматриваемый термин закреплен в п. а ст. 3 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г., однако не раскрывается его содержание. Согласно данной норме, запрещаются следующие действия: посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания¹¹. То есть жестокое

⁹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893.

¹⁰ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1.

¹¹ Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях : подписана в г. Женеве 12 авг. 1949 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>.

обращение Конвенция рассматривает как вид посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность. Согласно комментарию к статье Международного Комитета Красного Креста, такое посягательство (в том числе жестокое обращение) включает действия, наносящие ущерб психической неприкосновенности человека¹².

Представленная характеристика одного из альтернативных преступных деяний, которое может быть совершено и в отношении раненых и больных, позволяет сформулировать следующие рекомендации. Если говорить о юридическом закреплении данного термина в уголовном законодательстве РФ, то, на наш взгляд, термин «жестокое обращение» не привязан именно к гражданскому населению или военнопленным и может быть установлен в отношении любой другой категории покровительствуемых лиц. Он должен быть конкретизирован в примечании к статье. Например, после характеристики понятия могут быть указаны виды таких ограничений: ограничения в еде и воде или предоставление некачественного питания, отсутствие надлежащего медицинского обслуживания и т.п. Критерий «с особой жестокостью» может быть закреплён в качестве квалифицирующего признака, характеризующего более общественно-опасный способ совершения военного преступления.

Как уже было отмечено, диспозиция нормы ч. 1 ст. 356 УК РФ содержит далеко не весь перечень альтернативных деяний, который закреплён в международных договорах РФ. Для формирования более полной характеристики военных преступлений в отношении категории раненых и больных рассмотрим особенности тех деяний, которые указаны в международных договорах РФ как военные преступления, в соотношении с диспозицией нормы ч. 1 ст. 356 УК РФ.

Статьи 12 и 50 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных 1949 г. определяют перечень запрещённых действий в отношении данной категории лиц¹³. К военным преступлениям, согласно ст. 12 Конвенции, относятся:

¹² Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field : Geneva, 12 August 1949. Commentary of 2016. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gci-1949/article-3/commentary/2016#_Точ465169903.

¹³ Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях : подписана в г. Женеве 12 авг. 1949 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>.

- посягательство на их жизнь и личность;
- пытки;
- биологические опыты;
- преднамеренное оставление без медицинской помощи или ухода;
- создание условий для их заражения.

Статья 50 Соглашения повторяет и конкретизирует:

- преднамеренное убийство;
- пытки и бесчеловечное обращение;
- биологические эксперименты;
- преднамеренное причинение тяжёлых страданий или серьёзного увечья, нанесение ущерба здоровью.

Как видно из перечисления, а также учитывая исторические факты военных преступлений двух мировых войн, международный договор особо подчеркивает запрет посягательства на жизнь и здоровье, в данном случае раненых и больных, которое может быть выражено в форме убийства, причинения вреда физическому и психическому здоровью, пыток. Данные деяния подпадают под характеристику традиционных составов преступлений, предусмотренных УК РФ. Исходя из современной практики, Следственный комитет РФ в случае убийства квалифицирует такие действия по совокупности преступлений, например, ст. 105, 356 УК РФ. Такая позиция связана с отсутствием в диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ конкретизации деяний с учетом закреплённых в международных нормах положений. Военное преступление как раз и выражается, в том числе в совершении убийства и иных деяний в отношении жертв войны в обстановке вооружённого конфликта.

Биологические опыты и биологические эксперименты как преступление не закреплёны в УК РФ, поэтому нуждаются в уточнении и конкретизации. С одной стороны, эти деяния можно рассматривать в более широком формате — как причинение вреда психическому и физическому здоровью, часто в таких деяниях можно установить признаки пыток, может быть связано с изъятием органов и тканей в целях незаконного донорства. С другой стороны, именно такое указание преступного деяния в Конвенции свидетельствует о степени его общественной опасности и необходимости отдельного закрепления. Поэтому в диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ необходимо его закрепить в рамках перечисления альтернативных деяний, а в примечании указать определение данного термина.

Среди вышеперечисленных запрещённых действий в отношении раненых и больных

особое место, на наш взгляд, занимает деяние «преднамеренное оставление без медицинской помощи или ухода» и «добивание или истребление». Относительно оказания медицинской помощи раненым в период боевых действий и сразу же после них, такая деятельность входит в круг обязанностей командира, что отражено в национальных актах. Так, п. 47 Наставления по международному гуманитарному праву закрепляет, что командир обязан принять меры к розыску и сбору раненых и больных как в ходе боевых действий, так и после выполнения поставленной задачи. Такие действия осуществляются независимо от принадлежности раненых и больных и им должен быть обеспечен необходимый уход¹⁴. Такие правомочия установлены в вооруженных силах всех развитых стран. Поэтому в случае обнаружения на поле боя раненого комбатанта, вне зависимости от его государственной принадлежности, ему должна быть оказана медицинская помощь.

Добивание и истребление как военное преступление также является реакцией мирового сообщества на события двух мировых войн. Такая форма совершения преступления не закреплена в УК РФ, она является специфической и характерна именно для обстановки вооруженного конфликта. С позиции квалификации таких действий их можно рассматривать как умышленное убийство раненых и больных, однако в данном случае имеет значение цель причинения смерти и место. В качестве последнего может выступать территория недавних боевых действий, в пределах которой представители противоборствующей стороны намеренно нахо-

дят раненых комбатантов другого государства и убивают. С учетом данных обстоятельств, характеризующих особенности общественно опасного деяния и субъекта преступления, необходимо закрепить такое преступное действие среди прочих альтернатив.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ правового закрепления альтернативных преступных деяний военных преступлений нормами международного права и УК РФ, позволяет констатировать, что национальное законодательство нуждается в конкретизации и расширении уже закрепленного перечня с учетом положений международных договоров РФ. Такой подход позволит учесть особенности совершенного преступления и его последствий при квалификации деяния.

Заключение

Раненые и больные в вооруженном конфликте представляют собой одну из категорий лиц, находящихся под защитой международного права. Их статус обладает определенной спецификой по сравнению с гражданским населением и военнопленными. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что диспозиция нормы ч. 1 ст. 356 УК РФ должна быть дополнена в части закрепления категорий потерпевших лиц посредством их перечисления. Этой позиции придерживаются и другие исследователи [18]. Такой подход позволит объективно оценивать совершенное военное преступление при его квалификации, не ограничивая круг лиц, в отношении которых оно может быть совершено. Необходима также конкретизация перечня альтернативных деяний с учетом их закрепления в международных договорах РФ, поскольку будет исключена дополнительная, на наш взгляд, дублирующая классификация действий преступника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пфаннер Т. Имплементация международного гуманитарного права и предоставление защиты и помощи жертвам войны: различные механизмы и подходы / Тони Пфаннер // Международный журнал Красного Креста. — 2009. — № 874. — С. 85–144.
2. Лобанов С.А. Международная уголовная ответственность за военные преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / С.А. Лобанов. — Москва, 2018. — 495 с.
3. Акимов В.А. Военные преступления в уголовном праве России / В.А. Акимов, В.П. Бодаевский, С.А. Козинцев ; под общ. ред. В.П. Бодаевского. — 2-е изд. — Симферополь : АРИАЛ, 2022. — 614 с.
4. Винникова Р.В. Статус жертвы в международных правовых актах / Р.В. Винникова. — EDN ACBJGP // Виктимология. — 2019. — № 2 (20). — С. 5–9.
5. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты / Е.Н. Трикоз. — Москва : Юрлитинформ, 2007. — 512 с. — EDN QXHMFV.
6. Kleffner J.K. Protection of the wounded, sick, and shipwrecked in Dieter Fleck / J.K. Kleffner // Handbook of International Humanitarian Law. — 3rd ed. — Oxford Univ. Press, 2013. — P. 321–332.

7. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино / А. Дюнан. — 3-е изд. — Москва : Междунар. Ком. Крас. Креста, 2009. — 108 с.
8. Саямов Ю.Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. / Ю.Н. Саямов. — EDN ZKBBPH // Россия и современный мир. — 2017. — № 3 (96). — С. 33–46.
9. The updated Commentary on the First Geneva Convention — a new tool for generating respect for international humanitarian law / L. Cameron, B. Demeyere, J.-M. Henckaerts [et al.] // *International Review of the Red Cross*. — 2015. — Vol. 97. — P. 1209–1226.
10. Строителев А.Н. Источники права вооруженных конфликтов и их современная правовая характеристика / А.Н. Строителев. — EDN OYOMKF // *Обозреватель*. — 2012. — № 6. — С. 14–23.
11. Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право / С.И. Леншин. — Москва, 2009. — Вып. 94. — 240 с. — EDN EPCKCN.
12. Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве / Р.А. Адельханян. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва : Науч. кн., 2006. — 320 с. — EDN QWZREP.
13. Дорогин Д.А. Изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными (статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Д.А. Дорогин, М.О. Ноженко. — EDN ZHAZDJ // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2017. — № 10. — С. 82–87.
14. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. — Москва : Инфра-М, 2013. — 795 с.
15. Шабалина М.А. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) / М.А. Шабалина. — DOI 10.52390/20715870_2020_6_77. — EDN JWGVNO // *Уголовное право*. — 2020. — № 6. — С. 77–82.
16. Западнова Ю.А. Жестокое обращение с детьми и формы его проявления: вопросы квалификации / Ю.А. Западнова. — EDN WHSQER // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. — 2016. — № 1 (69). — С. 74–78.
17. *Международное уголовное право : учебник* / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, П.В. Волосюк, А.Ю. Иванов ; под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 517 с.
18. Шулепов Н.А. Инкорпорация норм Римского статута МУС в уголовно-правовую систему Германии / Н.А. Шулепов, Л.Ф. Шулепова. — EDN KWHTDX // *Международное публичное и частное право*. — 2006. — № 4. — С. 56–63.

REFERENCES

1. Pfanner T. Implementation of International Humanitarian Law and Providing Protection and Help to War Victims: Different Mechanisms and Approaches. *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta = International Review of the Red Cross*, 2009, no. 874, pp. 85–144. (In Russian).
2. Lobanov S.A. *International Criminal Liability for War Crimes*. Doct. Diss. Moscow, 2018. 495 p.
3. Akimov V.A., Bodaevskii V.P., Kodintsev S.A.; Bodaevskii V.P. [ed.]. *War Crimes in Russian Criminal Law*. 2nd ed. Simferopol, ARIAL Publ., 2022. 614 p.
4. Vinnikova R.V. Status of the Victim in International Law Act. *Viktimologiya = Victimology*, 2019, no. 2, pp. 5–9. (In Russian). EDN: ACBJGP.
5. Trikoz E.N. *Crimes Against Peace and Security of Mankind: Comparative and International Legal Aspects*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 512 p. EDN: QXHMFV.
6. Kleffner J.K. Protection of the Wounded, Sick, and Shipwrecked in Dieter Fleck. In *Handbook of International Humanitarian Law*. 3rd ed. Oxford University Press, 2013, pp. 321–332.
7. Dunant H. *Un Souvenir de Solferino*. Geneva, 1963. 200 p. (Russ. ed.: Dunant H. *A Memory of Solferino*. Moscow, 2009. 108 p.).
8. Sayamov Yu.N. The Hague Conferences 1899, 1907. *Rossiya i sovremenniy mir = Russia and the Contemporary World*, 2017, no. 3, pp. 33–46. (In Russian). EDN: ZKBBPH.
9. Cameron L., Demeyere B., Henckaerts J.-M., La Haye E., Niebergall-Lackner H. The Updated Commentary on the First Geneva Convention — a New Tool for Generating Respect for International Humanitarian Law. *International Review of the Red Cross*, 2015, vol. 97, pp. 1209–1226.
10. Stroitelev A.N. Sources of Military Law and Their Modern Legal Interpretation. *Obozrevatel' = Observer*, 2012, no. 6, pp. 14–23. (In Russian). EDN: OYOMKF.
11. Lenshin S.I. *Legal Regime of Military Conflicts and International Humanitarian Law*. Moscow, 2009. Iss. 94. 240 p. EDN: EPCKCN.
12. Adelhanyan R.A. *Military Crimes in Contemporary Law*. Moscow, Nauchnaya Kniga Publ., 2006. 320 p. EDN: QWZREP.
13. Dorogin D.A., Nozhenko M.O. Harvesting Organs or Tissues from Prisoners of a Military Conflict as a Type of Cruel Treatment of Prisoners of War (Art. 356 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Pravo v Vooruzhennykh Silakh — Voенно-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces — Military-Legal Review*, 2017, no. 10, pp. 82–87. (In Russian). EDN: ZHAZDJ.
14. Inogamova-Khegai L.V. (ed.). *Criminal Law of the Russian Federation. The Special Part*. Moscow, Infra-M Publ., 2013. 795 p.
15. Shabalina M.A. Problems of Qualification of Cruelty to Animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2020, no. 6, pp. 77–82. (In Russian). EDN: JWGVNO. DOI: 10.52390/20715870_2020_6_77.
16. Zapadnova Ju.A. Child Abuse and its Forms: Questions of Qualification. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2016, no. 1, pp. 74–78. (In Russian). EDN: WHSQER.
17. Naumov A.V., Kibalnik A.G., Volosyuk P.V., Ivanov A.Yu.; Naumov A.V., Kibalnik A.G. (eds.). *International Criminal Law*. Moscow, Yurait Publ., 2024. 517 p.
18. Shulepov N.A., Shulepova L.F. Incorporation of the Norms of the Roman Statute of the ICC into the Criminal Law System of Germany. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public International and Private International Law*, 2006, no. 4, pp. 56–63. (In Russian). EDN: KWHTDX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лисаускайте Валентина Влаго — профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: vlado@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лисаускайте В.В. Совершение преступления по части 1 статьи 356 УК РФ в отношении раненых и больных: бланкетность нормы и вопросы квалификации / В.В. Лисаускайте. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).258-267. — EDN HRXSDF // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 258–267.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lisauskaite, Valentina V. — Professor, Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: vlado@mail.ru.

FOR CITATION

Lisauskaite V.V. Crimes Against Wounded and Sick Persons Under Part 1, Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation: Blanket Character of the Norm and Questions of Qualification. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 258–267. (In Russian). EDN: HRXSDF. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).258-267.